

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ИРОНИИ В ПАРАДИГМЕ КОМИЧЕСКОГО

SEMANTIC AND AESTHETIC PARAMETERS OF IRONY IN THE FRAMEWORK OF COMICALITY

О.И. Уланович, С.В. Змитракович

O.I. Ulanovich, S.V. Zmitrakovich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: UlanovA@bsu.by

Активно практикуемое выделение и дефиниция видов комического исключительно «по наитию» оставляет открытым вопрос о конкретизации категориальных параметров различных его форм в семантическом пространстве смешного. Это порождает существующее непонимание дифференцирующих признаков, например, сарказма и сатиры, остроты и иронии, не говоря уж о повсеместном смешении видов и средств создания комического, следствием чего является часто встречаемое причисление гротеска, гиперболы, аллегории к видам комического, а не средствам.

В качестве критерия определения эстетических и семантических границ видов комического предлагаем взять акцентированные польским ученым Б. Дземидоком «степень сложности формы комического» и «меру заключенного в ней критицизма» [4, с. 66]. Это позволяет нам предложить следующую иерархическую парадигму комического: *юмор, острота, ирония, сатира, сарказм*. Отмеченные виды представляют несколько отличные друг от друга плоскости отношений в социальной коммуникации. Наиболее безобидный и беззлобный, но не беззубый смех присущ *юмору*. *Острота* – интеллектуальная шутка с двойным дном, интегрирующая лесть и анти-комплимент, любезность и колкость, похвалу и неодобрение. *Ирония* – снисходительная насмешка над диссонансом реального и идеального, идейно-эмоциональная оценка и форма эстетических взаимоотношений ироника и действительности. *Сатира* – социально ценностная форма осмеяния, насмешливо-поучающая, морализирующая и критикующая, навязывающая субъекту принятие социальной нормы. Венчает парадигму комического наиболее злобный и ядовитый, конфликтный и ликоущемляющий *сарказм*.

Согласно мнению ряда исследователей, ирония – древнейший из видов комического, обязанный своим появлением искусству слова

Сократа, Аристотеля, Демосфена, Платона. Ирония помогала Сократу простодушно и изящно высмеивать самодовольство и обыденность сознания софистов. Современные исследования иронии строятся на переосмыслении ее античного «сократовского» понимания в контексте специфики семантического пространства современной социальной коммуникации. Как замечает Ю.А. Кирюхин, в пространстве постмодернизма «ирония начинает ‘размывать’ свои первоначальные генетические ориентиры и ‘обрастает’ новыми смыслами» [6].

Постмодернизм, как состояние современной культуры, в качестве основных «симптомов» имеет заимствование уже готовых форм (мотивов, сюжетов, смыслов) и их ироничное переосмысление – «неклассическую интерпретацию и трактовку для придания свежести классическим формам и традициям» [6]. Вся современная культура, по утверждению Ю.А. Кирюхина – это «единое пространство всеобъемлющей иронии». Экспансия иронии сегодня «тотальна и повсеместна»: ее мотивы звучат в межличностной коммуникации, искусстве, журналистике, рекламе, политике, науке и т. д. – «во всех областях культурного взаимодействия обнаруживаются следы присутствия этой формы комического». Но, как далее акцентирует ученый, абсолютно ошибочны попытки интерпретировать современную иронию через понятия «ерничанье», «стеб», «цинизм», «скепсис»: «проблема иронии намного серьезнее и глубже простого комического шаржирования и комической мистификации» [6].

Важно заметить, что собственно лингвистическое направление исследования иронии, реализованное в трудах Н.Д. Арутюновой, М.А. Багдасарян, Н.А. Веселовой, А.А. Волковой, И.Р. Гальперина, Л. Витгенштейна, Ю.М. Скребневой и др., представляет иронию как **троп**. В этом же формате дефинируется ирония в подавляющем большинстве представленных в глобальной сети электронных словарей и справочников. Статуса **вида комического** ирония удостоивается в трудах ученых философского, культурологического, психологического направлений, стремящихся узреть внутренние механизмы иронии и уяснить факторы ее ценностно-смысловой актуализации.

Диапазон определений иронии столь широк и разнообразен, что приходится констатировать отсутствие единого мнения относительно ее специфики, социальных функций и эстетических границ.

Так, Ю. Борев определяет иронию как «притворство, намерение в шутку или насмешку сказать нечто противоположное тому, что человек думает, но сказать так, чтобы явить истинный смысл ситуации» [2, с. 92]. Внутреннюю сущность иронии Ю.А. Кирюхин видит

в противопоставлении буквального смысла слов их истинному значению. В качестве важной характеристики иронии Ю.А. Кирюхин отмечает семантическую неоднозначность фигуры иронии: с одной стороны, ирония – это высмеивание некоей реальности, основанное на сомнении в ее истинности, с другой – испытание реальности на прочность, что оставляет надежду на ее истинность [6]. Т.А. Желватых, рассматривая иронию как интеллектуальную эмоцию, проистекающую из несоответствия объекта иронии исходному идеалу ироника, тонко замечает, что «объект по своим достоинствам может не только в чем-то уступать идеалу, но в редких случаях его превосходить». В зависимости от сопутствующих иронии эмоциональных оттенков ирония может иметь характер как положительной, так и отрицательной интеллектуальной эмоции [5, с. 7]. Тем самым, дискуссионным видится традиционное наделение иронии исключительно негативно-оценочными характеристиками.

Итак, единым в отмеченных выше и многих других определениях иронии выступает признание ее в качестве уникальной формы идейно-эмоциональной оценки и эстетического отношения между субъектом (ироником) и объектом действительности. Семантические границы иронии четче выявляются через сравнительный анализ различных видов комического.

Как отмечает А.Ф. Артемова, ирония – это нечто среднее между юмором и сатирой [1, с. 6], целью которой является не унижение собеседника, а демонстрация собственного превосходства и самоутверждение говорящего за счет тонкой и колкой насмешки.

Ю.А. Кирюхин, в свою очередь, причину иронического осмеяния видит не столько в самоутверждении говорящего, сколько в необходимости самозащиты, проистекающей из реалий современного контекста: «такое осмеяние служит своего рода защитным механизмом, поскольку через иронию субъект как бы виртуализирует самого себя в новом пространстве комически-противоречивых и, нередко, сомнительных смыслов» [6].

Сколь контрастными не казались бы на первый взгляд данные гипотезы относительно причинности иронии, взаимодополняющего в них куда больше, чем взаимоисключающего: бросающий вызов личностному достоинству контекст современной жизни провоцирует потребность личности в самоутверждении и психологической защите, инструментом чего в постмодернистском обществе выступает ирония, позволяющая любую реалию подвергнуть тому типу осмеяния, которое «нечто превращает в ничто» (Аристотель). Тем самым ирония как форма межсубъектной коммуникации и способ восприятия бытия

является особым эстетическим способом рефлексии и механизмом психологической защиты личности.

В семантическом плане ирония более агрессивна, чем юмор, но менее атакующая, чем сатира. К.А. Воробьева оценивает иронию как более индивидуальную и интеллектуальную, чем юмор, и менее активную и социально окрашенную, чем сатира [3, с. 5]. С мнением солидарна и О.Г. Петрова, отмечающая, что «ирония менее агрессивна, более интеллектуальна, аполитична по своему характеру, но чаще всего она ничуть не менее критична, чем сатира» [7, с. 65].

Mrs. Hudson: *Tea, Mr. Holmes?* – ‘Чай, мистер Холмс?’

Holmes: *Is it poisoned, nanny?* – ‘Он отравлен, милочка?’

Mrs. Hudson: *There's enough of that in you already* – ‘**В Вас достаточно яда**’ (х/ф «Шерлок Холмс»).

Список дифференцирующих признаков иронии в парадигме комического можно пополнить следующими. От остроты ирония отличается, главным образом, меньшей степенью эстетичности и отсутствием снисходительности по отношению к собеседнику: острота не является формой языковой агрессии, в иронии же элемент агрессии присутствует. Острота вполне может быть принята адресатом как похвала (остаться не декодированной), что и актуализирует наличие в ситуации остроты третьего лица (декодирующего колкость) «чтобы совершился доставляющий удовольствие процесс» (З. Фрейд), при этом понимание адресантом иронизирующего осмеяния ироника обязательно.

Little Gru: *Mom, someday I'm going to go to the moon!* – ‘Мама, однажды я полечу на Луну’.

Gru's mom: *I'm afraid you're too late, son. NASA isn't sending the monkeys anymore* – ‘Боюсь, ты опоздал. НАСА больше не посылает в космос обезьян’ (м/ф «Гадкий Я»).

Уникальной чертой иронии, отличающей ее от сатиры и сближающей с юмором / шуткой, является способность к одновременной направленности на объект и на себя: объектом иронии может быть сам иронизирующий, что раскрывает потенциал иронии в качестве специфического метода саморефлексии. Зачастую, несмотря на кажущийся критический характер фигуры самоиронии, отрицательный контекст высказывания может воплощать положительную оценку, как, например, в следующем примере: говорящий иронизирует не для умаления собственной коммуникативной способности, а для восхищения красотой девушки.

Bernard: *Anyway, you had the chance with her. What did you talk about?* – ‘Итак, у тебя был шанс пообщаться с ней. И о чем ты с ней говорил?’.

Manny: *Offshore wind farms. I couldn't think of anything else. – ‘О прибрежных ветряных электростанциях. Я не мог думать о чем-либо другом’* (к/ф «Книжная лавка Блэка»).

Итак, благодаря своей двойственной природе, одновременного сочетания ‘blame-by-praise’ и ‘praise-by-blame’, ирония представляет собой двусмысленную насмешку или антифразис – понимание за сказанным противоположного, а также выступает показателем высокого интеллектуального уровня собеседника, способом духовного саморазвития личности и способом специфического эстетического отношения к бытию.

Единство мнений ученых обнаруживается в признании **парадокса** в качестве ключевого элемента иронии: «Ирония – форма парадоксального» [8, с. 283]. Это и подтверждают результаты нашего исследования: из 32 контекстных примеров реплик киноперсонажей самым распространенным средством иронии является **парадокс**.

Так, в следующем примере парадоксальность ситуации задается **риторическим вопросом**: *What's up, Harry? Did NASA find oil on Uranus, man?* – ‘Что стряслось, Гарри? НАСА нашла нефть на Уране?’ (х/ф «Армагеддон»).

Парадоксально и следующее оправдание вредного пристрастия: пусть курение убьет раньше, нежели проблемы станут невыносимыми:

Dad: *Siggy?* – ‘Сигаретку?’.

Briget Jones: *No, no, thanks. I've given up again* – ‘Нет, спасибо. Я снова бросила’.

Dad: *Shame. I find them very useful. I take great comfort in the fact, that they might kill me before things actually get worse* – ‘Позор! Я нахожу сигареты очень полезными. Утешаюсь мыслью, что они могут убить меня раньше, чем все станет еще хуже’ (х/ф «Бриджит Джонс: на грани разумного»).

Неожиданная реакция согласия вместо ожидаемого категоричного протеста знаменует парадокс в следующей ситуации самоиронии:

Lou Clark: *Every time I speak, he looks at me like I'm stupid* – ‘Когда я говорю, он смотрит на меня как на дурочку’.

Treena Clark: *To be fair, you are pretty stupid* – ‘Но ты и вправду глупенькая’.

Lou Clark: *Yeah, but he doesn't know that yet* – ‘Но ему-то откуда это знать?’ (х/ф «До встречи с тобой»).

В иронических высказываниях активно эксплуатируется потенциал тропов (*метафора, метонимия, гипербола*), фигур речи (*аллюзии, параллелизм, антитеза*) и экспрессивных лексем (*сленгизмы, фамильяризмы, инвектива*) зачастую при их интегративном использовании:

– *Well you're running things now, huh? Man in the suit got it all figured out?* – ‘Теперь ты здесь главный, да? **Чувак в костюме** все просчитал?’.

– *No, man in the suit doesn't have it all figured out, but man with the gun needs to understand what man in the suit is trying to accomplish here, all right?* – ‘Нет, **чувак в костюме** не все просчитал, но **чувак с пистолетом** должен понять, чего хочет достичь **чувак в костюме**, ясно?’ (х/ф «Как украсть небоскреб»).

Важным инструментом формирования иронии являются так называемые *фигуры мысли (риторический вопрос, умолчание)*. Так, в примере посредством риторического вопроса героиня демонстрирует протест против неподобающего к ней отношения, самоиронируя:

Carl: *Go get my phone book, will you? Get my phone book. Get those names of those guys from NASA* – ‘Давай-ка, принеси мою записную книжку. Возьми записную книжку. Найди там телефоны парней из НАСА’.

Dottie: *Excuse me! Am I wearing a sign that says, "Karl's slave"?* – ‘Прости! **На мне что, табличка с надписью «Рабыня Карла»?**’ (х/ф «Армагеддон»).

При передаче самоиронии также задействуются самые разные вербальные средства (*синтаксический параллелизм, антитеза, инвективная лексика*): самоирония ничуть не более снисходительна, чем ирония в отношении стороннего лица / объекта:

Bernard: You. What did you say to Kate? She thinks I'm the renaissance. She'll think I've lied; I had to go along with all this reclusive genius stuff. She'll be really upset when she finds out I'm a reclusive wanker – ‘Что ты сказала Кейт? Она думает, что я человек эпохи Возрождения. Она подумает, что я соврал, и мне придется играть эту роль отчужденного гения. Она сильно разочаруется, узнав, что я отчужденный драчун’ (к/ф «Книжная лавка Блэка»).

Типологических средством формирования иронического высказывания является, безусловно, всеми отмечаемая **интонация** (просодическое оформление речи), которая формирует группу паралингвистических средств в массиве невербальных компонентов коммуникации. Вероятно поэтому выражение иронии в плоскости словесности (лингвистических средств) актуализирует важность интегративного использования арсенала различных вербальных средств:

Let me get a pencil and a piece of paper. I wanna jot down all your pearls of wisdom here – ‘Дай мне ручку и кусок бумаги. Я хочу записать все твои мудрые перлы’ (х/ф «Армагеддон»);

– *Good morning, Mr. Shaw. You are looking lean and mean today* – ‘Доброе утро, мистер Шоу. Вы в отличной форме сегодня’.

– *This is why I love you, Lester. You're the best liar in New York* – ‘Вот за что я люблю тебя, Лестер. Ты лучший врун в Нью-Йорке’ (х/ф «Как украсть небоскреб»).

Можно утверждать, что выделение доминирующего средства вербализации иронии затруднительно в силу органичного взаимодействия лексико-семантических, грамматико-синтаксических и фоно-просодических средств в ситуациях симультанного выражения снисходительной насмешки и идейного, ценностно-эстетического отношения к существу. Тем не менее относительный примат *парадокса* подтверждает сущность иронии как способа парадоксального восприятия мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова, А.Ф. Механизм создания комического в английской фразеологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Ф. Артемова; Магнитогорский государственный университет. – Москва, 1976. – 23 с.
2. Боров, Ю.Б. Эстетика / Ю.Б. Боров. – М.: Высшая школа, 2002. – 511 с.
3. Воробьева, К.А. Лингвокультурологические и психолингвистические аспекты восприятия иронии в художественном произведении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / К.А. Воробьева; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2008. – 23 с.
4. Дземидок, Б. О комическом / Б. Дземидок. – М.: Прогресс, 1974. – 224 с.
5. Желватых, Т.А. Текстовое представление иронии как интеллектуальной эмоции: на материале драматургии и прозы М.А. Булгакова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.А. Желватых; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2006. – 23 с.
6. Кирюхин, Ю.А. Ирония как актуальная форма комического: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Ю.А. Кирюхин; Московский государственный университет культуры и искусств. – Москва, 2011. – 24 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/ironiya-kak-aktualnaya-forma-komicheskogo>. – Дата доступа: 14.12.2017.
7. Петрова, О.Г. Ирония и разные типы комического в художественном тексте / О.Г. Петрова // Rozwoj Nauk Humanistycznych: materialy miedzunar. nauk.-prak. conf., 27.02-29.02.2012. – Poznan, 2012. – С. 61–70.
8. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. / Ф. Шлегель. – М.: Искусство, 1983. – Т. 1 – 480 с.